

СОЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ

УДК 159.9.072.43

doi: 10.21702/rpj.2016.3.11

ИССЛЕДОВАНИЕ САМОПОНИМАНИЯ ЭТНОКУЛЬТУРНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В ТИТУЛЬНОМ АРМЯНСКОМ ЭТНОСЕ И СОПРЯЖЕННОЙ АРМЯНСКОЙ ДИАСПОРЕ В РОССИИ

Ася Суреновна Берберян

доктор психологических наук, профессор
Российско-Армянский (Славянский) университет
г. Ереван, Армения
E-mail: aspsy@inbox.ru

Оксана Роальдовна Тучина

доктор психологических наук, доцент
Кубанский государственный технологический университет
г. Краснодар, Россия
E-mail: tuchena@yandex.ru

Исследование выполнено при поддержке ГКН МОН РА в рамках армяно-российского совместного научного проекта «Психологический аспект формирования самопонимания личностью национальной идентичности в контексте исторического опыта на постсоветском пространстве (на материале исследования молодежи России и Армении)»

В статье представлены обобщенные результаты двухлетнего эмпирического исследования, проведенного на выборке респондентов – армян из Армении (310 человек) и армян, перманентно проживающих на Кубани (307 человек), с использованием модифицированной автором методики «граф-схем» Б. В. Кайгородова, метода семантического дифференциала, опросника С. Шварца и В. Билски, методик исследования типов самоинтерпретации Т. Сингелис и Т. ДеЧикко. В результате исследования было выявлено ядро этнической нормативности у армянской молодежи, обнаружены статистически значимые различия у респондентов из титульного армянского этноса и диаспоры в представлениях об этнокультурном идеале, а также элементов образа Я в контексте этнокультурных норм и ценностей.

В результате проведенного исследования установлено, что в титульном этносе особенность самопонимания этнокультурной идентичности

заключается в том, что национальное и гражданское переплетены в чувстве принадлежности к народу, его историческому прошлому и культурному своеобразию; гражданственность воспринимается в качестве личностной ценности; в условиях диаспоры множественность идентичностей обуславливает такую особенность самопонимания этнокультурной идентичности, как осознание ответственности перед различными общностями и осмысление этнической сплоченности как личностной ценности.

Ключевые слова: самопонимание, этнокультурная идентичность, этнокультурные нормы, ценности, этническая традиция, субъектность, самоинтерпретация, субъектный подход, титульный этнос, диаспора.

Для цитирования: Берберян А. С., Тучина О. Р. Исследование самопонимания этнокультурной идентичности в титульном армянском этносе и сопряженной армянской диаспоре в России // Российский психологический журнал. – 2016. – Т. 13. – № 3. – С. 178–196.

STUDYING SELF-UNDERSTANDING OF ETHNOCULTURAL IDENTITY IN THE TITULAR ARMENIAN ETHNOS AND THE ASSOCIATED ARMENIAN DIASPORA IN RUSSIA

Asia Surenovna Berberian

Doctor of Psychology, Professor
Russian-Armenian (Slavonic) University
Yerevan, Armenia
E-mail: aspsy@inbox.ru

Oksana Roal'dovna Tuchina

Doctor of Psychology, Associate Professor
Kuban State Technological University
Krasnodar, Russia
E-mail: tuchena@yandex.ru

Acknowledgments

The study was supported by the State Committee for Science of the Ministry of Education and Science of the Republic of Armenia within the Armenian-Russian joint research project "The psychological aspect of the person's self-understanding of national identity in the context of historical experience in the post-Soviet space (the study of young people of Russia and Armenia)"

This paper presents generalized results of a two-year empirical study. The sample involved Armenian respondents from Armenia (310 persons) and Armenians residing in the Kuban region (307 persons). Diagnostic tools of the present study included: (a) a modified technique of “graph-schemes” by B. V. Kaigorodov; (b) method of semantic differential; (c) questionnaire by S. Schwarz and V. Bilski; and (d) techniques for studying types of self-interpretation by T. Singelis and T. DeCicco. Findings of the present study concern (a) a nucleus of ethnic normativity in Armenian young people, (b) statistically significant differences in representations of an ethno-cultural ideal in the respondents of the titular Armenian ethnos and the Armenian diaspora, (c) elements of self-image in the context of ethno-cultural norms and values.

Self-understanding of ethno-cultural identity in the titular ethnos had a number of features: (a) the national and the civil were closely associated with each other in the feeling of belonging to a nation, its historical past, and cultural originality; (b) the respondents of the titular ethnos perceived civic consciousness as a personal value. In the Armenian diaspora, the multiplicity of identities led to a sense of responsibility for various communities and comprehension of ethnic cohesion as a personal value; this was a distinctive feature of self-understanding of ethno-cultural identity in this group of respondents.

Keywords: *self-understanding, ethno-cultural identity, ethno-cultural norms, values, ethnic tradition, subjectivity, self-interpretation, subjective approach, titular ethnos, diaspora.*

For citation: Berberian A. S., Tuchina O. R. Studying Self-Understanding of Ethnocultural Identity in the Titular Armenian Ethnos and the Associated Armenian Diaspora in Russia. *Russian Psychological Journal*, 2016, V. 13, no. 3, pp. 178–196.

Введение

Изменения, характерные для современного общества – разрушение доминирующей идеологии, изменение структуры социума на фоне происходящих информационных трансформаций, – ведут к транзитивности, неопределенности, социокультурной реальности, ролевым конфликтам, утрате чувства принадлежности к социуму [13]. В условиях «ценностной диффузии» бытия современного человека актуализируется проблема обретения человеком собственной субъектности [6], что напрямую связано с осмыслением своей принадлежности к этнокультурной общности, поскольку именно этническая культура определяет бытийные основания человека, очерчивает горизонты его жизненного мира [9].

Бытие человека во многом определяется его присутствием в лоне этнокультуры, поскольку этническая традиция в значительной степени определяет систему ценностей и личностных смыслов человека [2]. Культура

в качестве комплекса разнопорядковых стабильных и изменчивых культурных элементов включает традицию, которая является средоточием культурных парадигм, неизменных по своей сути. Исследователи подчеркивают наличие неизменного этнокультурного ядра, обуславливающего характер социокультурных изменений, которые может претерпеть общество, оставаясь носителем данной традиции [11]. Соответственно, в традиции сосредоточены бытийные основания, или корни личности. Признаками аутентичности бытия субъекта в контексте этнокультуры являются творческое освоение, проникновение в ценностно-нормативное ядро этнокультурной традиции и осознание этнокультурных норм и ценностей, согласующихся с личностными смыслами, как «своих» и как «правильных», согласующихся с высшими ценностями.

Самоактуализация личности в пространстве бытия этнической группы характеризуется как чувство собственной значимости в контексте конкретной этнической общности, чувство гордости, обусловленное бытийной укорененностью своего Я в данной общности. Оно сопряжено с переживанием ответственности, связанной с проникновением в само ядро этнокультурной традиции и стремлением увидеть за привычностью образцов и норм культурные ценности и идеалы, определяющие их правильность [12].

В настоящее время как научный, так и прикладной интерес вызывает сравнительное исследование особенностей освоения личностью этнокультурной традиции в условиях титульного этноса и сопряженной диаспоры [3, 8, 14, 25]. Как полагают современные исследователи, при наличии общей культурной традиции диаспора все же представляет собой не «скол с этноса», а своеобразную этническую общность, которая не только стремится сохранить основные черты этнокультурной самобытности своего народа, но и активно их развивает [7, 10].

Феномен диаспоры основан на той специфической культурной самобытности, которая и определяет жизнеспособность этнического организма: отрыв от исторической родины определяет стремление к сохранению своей национальной культуры, устойчивость к ассимиляции, содействие ее развитию. Стиль жизни диаспоры формируется на основе сочетания традиций и современных реалий, а также ориентаций трех векторов отношений: исторической родины, диаспоры и принимающей стороны. Значительное место в становлении «диаспорального сознания» занимает влияние титульной нации, ее властных структур, социальных институтов, культурное влияние научной и педагогической общественности, которые оказывают морально-психологическое содействие представителям диаспоры [26].

Специфика самого феномена диаспоры состоит в ее двойственном положении по отношению к исторической родине и стране проживания.

Свойственное представителям диаспоры стремление сохранить и в дальнейшем развивать этнокультурные традиции и родной язык предполагает поддержание тесных связей с исторической родиной, а необходимость адаптации к новым реалиям требует овладения культурными нормами и ценностями принимающей страны, установления культурных связей с титульной нацией.

В рамках эмпирического подтверждения авторской концепции самопонимания этнокультурной идентичности было проведено исследование с представителями титульного этноса и сопряженной диаспоры [16]. Концепция составлена следующими основными взаимосвязанными составляющими (уровнями).

Структура концепции содержит основные взаимосвязанные уровни:

1. Методологический уровень образован философскими и общенаучными подходами (к ним относятся принципы развития, системности, детерминизма и целостности; социальный конструктивизм; работы Ю. Хабермаса, феноменология Э. Гуссерля); общепсихологическими подходами (субъектно-бытийный подход, психология субъекта, психология человеческого бытия, подходы к ценностно-смысловой регуляции личности, гуманистически ориентированный и экзистенциальный подходы, феноменологически-ориентированные концепции) и этнопсихологическими подходами.

2. Общетеоретический уровень содержит основные теоретические положения концепции:

– центральную идею, которая состоит в том, что пространство этнической культуры – одно из основных бытийных пространств личности, а культурные задачи, которые обусловлены целью сохранения и воспроизводства этнокультуры, выступают критериями бытийности этноса. Самопонимание этнокультурной идентичности определяется спецификой бытия этнокультурной общности;

– теоретическое обоснование модели самопонимания этнокультурной идентичности: противоречие в изучении самопонимания, существующее в когнитивном и экзистенциально-герменевтическом подходах, разрешается в рамках субъектного подхода, акцентируя внимание на обоюдной имплицитности бытия и человека, и присущей человеку способности к порождению новых форм бытия, объективации в нем субъективного, а также благодаря взгляду на рефлексивность (работы А. В. Карпова) и феномен переживания (исследования А. О. Прохорова, Л. Р. Фахрутдиновой) с позиций субъектности;

– новые теоретические конструкты, определенные в рамках субъектного подхода, среди которых самопонимание этнокультурной идентичности и самоинтерпретация; и уточнение ряда понятий, ставших традиционными, в числе которых этнокультурная идентичность, самопонимание и идентичность.

3. Конкретно-теоретический уровень содержит:

– теоретико-феноменологическую модель самопонимания этнокультурной идентичности, теоретическая составляющая которой представлена системой утверждений, позволяющих описать и охарактеризовать феноменологию самопонимания этнокультурной идентичности;

– эмпирическое обоснование элементов структуры самопонимания этнокультурной идентичности: образ типичного представителя данного этноса, образ идеального представителя данного этноса, разрыв между оценкой данных образов, представление о себе в контексте этнокультурных норм и ценностей, ведущий тип самоинтерпретации;

– конкретные методы и методики, ориентированные на изучение самопонимания личностью своей этнической идентичности.

4. Конкретно-верификационный уровень включает выявленные в соответствии с описанной моделью закономерности самопонимания этнокультурной идентичности в различных условиях бытия этнической группы.

В данной статье представлены результаты исследования самопонимания этнокультурной идентичности в условиях титульного этноса и сопряженной диаспоры на примере исследования армянской молодежи Армении и России в рамках проекта РГНФ.

Цель исследования: выявление влияния социокультурной ситуации (принадлежности респондентов к титульному этносу или диаспоре) на особенности самопонимания личностью своей этнокультурной идентичности.

Предмет исследования – содержательные характеристики самопонимания этнокультурной идентичности в титульном этносе и сопряженной диаспоре.

Описание выборки и процедуры исследования

Эмпирическое исследование проводилось в группах респондентов: армяне-резиденты Армении и армяне-резиденты Российской Федерации. Респондентами являлись студенты вузов города Краснодара (Россия) и города Еревана (Армения). Были образованы следующие эмпирические выборки: армяне, постоянно проживающие в России – 307 человек (157 женщин и 150 мужчин, от 16 до 29 лет ($M = 24,3$, $S = 5,2$)); армяне, постоянно проживающие в Армении – 310 человек (159 женщин и 151 мужчина, от 16 до 28 лет ($M = 23,1$, $S = 4,8$)). Для обработки результатов исследования были использованы метод контент-анализа и критерий Стьюдента.

Эмпирическое исследование включало следующие этапы:

1. Исследование этнокультурной идентичности как элемента самопонимания личности: при использовании модифицированной методики «граф-схем» Б. В. Кайгородова была проведена обработка данных методом контент-анализа [4].

2. Выявление представления респондентов о чертах типичного и идеального представителя исследуемого этноса с использованием семантического дифференциала. Респонденты отмечали степень выраженности предложенных качеств у типичных и идеальных представителей их национальности мужского и женского пола. Далее было выделено представление о своем Я у респондентов каждой группы в контексте этнических норм и ценностей, респонденты оценивали выраженность предложенных качеств у себя [5].

3. Исследование характеристик самоинтерпретации групп респондентов при помощи методик Т. Сингелис и Т. ДеЧикко [17, 18, 21, 23].

4. Выявление «ценностного профиля» респондентов, принадлежащих к титульному этносу и сопряженной диаспоре, при помощи опросника С. Шварца и В. Билски [15].

5. Сопоставление результатов респондентов, принадлежащих к титульному этносу и сопряженной диаспоре, выявление нормативно-ценностных основ этнокультурной традиции и особенностей самопонимания этничности в условиях титульного этноса и сопряженной диаспоры.

Результаты исследования

1. Контент-анализ результатов армянских респондентов – представителей диаспоры – позволил отметить наиболее значимые для них «этнокультурные традиции» (составляет 59,2% ответов мужчин и 46,2% ответов женщин), среди которых доминирующую роль играют следующие: знание и использование фольклорных традиций (музыки, танцев, свадебных обрядов) (20,1% и 18,4%), соблюдение обычаев и правил поведения (10% и 4,4%), родной язык (10% и 5%), особенности семейного воспитания (4,8% и 3,6%). В качестве второго фактора была определена система ценностных ориентиров (22% и 14%). Данное положение подчеркивает наличие ценностного ориентира – соответствие национальному идеалу, воспроизводство в повседневной жизни форм этикетного поведения, которые выражают базовые этнические ценности, что способствует формированию положительного образа армянина в иноэтнической среде. Третьим значимым фактором выступает «этническая солидарность» (10% и 19,9% ответов), включающая ответственность за поведение, поступки, образ жизни армян, заботу о представителях своего этноса.

Этнические армяне большое внимание уделяют этнической солидарности и поддержке соотечественников в диаспоре, а также созданию позитивного образа армянина. Этнические армяне в России осознают ответственность за формирование образа представителя этнокультурной общности перед этническим большинством, что способствует желанию достойно представлять свою этническую группу. Наряду с этим, армянские респонденты-представители диаспоры осознают свою принадлежность к России, ее народу;

этнокультурная идентичность данной группы не противопоставляется гражданской идентичности, а осознается как ее составляющая, следствием чего становится осознание двойной ответственности за собственные поступки перед этнической общностью и страной в целом.

Контент-анализ ответов армянских студентов Армении показал, что для данной группы характерно отождествление этнической и гражданской идентичности (55,5% и 54,3% ответов). Это проявляется, прежде всего, в чувстве принадлежности к своей национальности (9% и 8%), а также гордости за талантливых представителей армянского этноса (11% и 7%). Вторым по значимости для армянских респондентов стал фактор «этнокультурные традиции» (31,5% ответов мужчин и 37,6% женщин), что значительно меньше по сравнению с ответами представителей диаспоры. Главными среди них являются армянский язык (7% и 7,7%), соблюдение обычаев и правил поведения (5,4% и 7,5%), гордость за принадлежность к этнической группе (7,3% и 8,3%), религия (3,7% и 5,7%). При этом знание и использование фольклорных традиций (свадебных обрядов, музыки, танцев) в данной группе менее значимо, чем у представителей диаспоры (5,4% и 7,5%). Следующим важным фактором является система ценностных ориентиров (13,5% и 15,4% ответов), в осмыслении которой были выявлены существенные гендерные различия: для юношей это, прежде всего, «быть сильным духом» (7,3% и 4%), а для девушек – сохранение семейных ценностей (3,1% и 6,7%).

2. Сравнительный анализ результатов исследования нормативно-ценностной составляющей самопонимания этнокультурной идентичности армян из Армении и России выявил ядро этнической нормативности. Его составляют качества, характеризующие открытость миру и заботу о других: гостеприимство (средний показатель 4,43 в группе респондентов из Армении и 4,7 – в диаспорной группе), оптимизм (4,47 и 4,6), верность дружбе (4,35 и 4,5), ответственность (4,57 и 4,46). Однако представители диаспоры в интервью часто отмечали, что данные качества направлены тем, кого считают «своими» – представителям армянской этнической группы. В качестве значимой составляющей этнокультурного идеала можно выделить патриотизм (средний показатель 4,07 в группе респондентов из Армении и 4,44 – в диаспорной группе), при этом у представителей диаспоры данное качество выступает одновременно как этнический патриотизм и государственный патриотизм, которые взаимно дополняют друг друга. Общей чертой этнокультурного идеала армян из Армении и России также является уважение к старшим (средний показатель 4,45 в армянской группе и 4,6 – в российской), которое респонденты считают основой сохранения этнической группы.

В результате исследования были выявлены значимые различия в представлениях об этническом идеале в титульном армянском этносе и армянской

диаспоре. Так, в диаспорной группе более высоко оцененными являются качества, связанные с положительной самопрезентацией: щедрость (4,87, $p < 0,05$), отсутствие алкогольной зависимости (0,8, $p < 0,05$), отсутствие склонности к воровству (0,3). Выше в данной группе оцениваются и качества, способствующие внутригрупповой сплоченности: взаимовыручка (4,65, $p < 0,05$), отзывчивость (4,53, $p < 0,05$).

В титульном этносе более высоко оцененными являются черты, характеризующие открытое и уважительное отношение к Другому: доброта (4,45, $p < 0,05$), дружелюбие (4,24, $p < 0,05$), общительность (4,21, $p < 0,05$), добродушие (4,11, $p < 0,05$), отсутствие наглости (0,63, $p < 0,05$); креативно-волевые качества личности: ум (4,16, $p < 0,05$), самостоятельность (4,41, $p < 0,05$), решительность (4,30, $p < 0,05$), сдержанность (4,19, $p < 0,05$), добросовестность (4,13, $p < 0,05$), терпение (4,11, $p < 0,05$), а также религиозность (4,00, $p < 0,01$).

Результаты исследования гендерной составляющей этнокультурного идеала выявили значимые различия категорий «маскулинность – фемининность»: для представителей титульного этноса характерно их традиционное противопоставление, маскулинность характеризуется качествами – храбрость (4,46), сила (4,41), готовность помочь (4,26), находчивость (4,23), настойчивость (4,15), склонность к риску (4,01), а фемининность – качествами тактичность (4,31), отзывчивость (4,21), работоспособность (4,11), искренность (4,09), любовь к порядку (4,08), отсутствие лени (0,79). У девушек-представителей диаспоры, по сравнению с юношами, более эмансипированное представление о нормативном поведении женщин и традиционное представление о нормативном поведении мужчин.

Были выявлены и значимые различия в представлениях о типичном представителе армянского этноса в титульном этносе и диаспоре. В группе представителей титульного армянского этноса оценки качеств типичных армянских женщин и мужчин практически совпадают с оценкой идеальных представителей этноса. В диаспоральной группе наблюдаются значительные гендерные различия: в женской выборке представление о типичном и идеальном армянском мужчине практически совпадает, значимые различия ($p < 0,05$) выявлены в оценке качеств: отсутствие эгоизма, отсутствие склонности к вранью, рассудительность, тенденция совершать одни и те же ошибки, терпение, уравновешенность, эмоциональность. В мужской выборке зафиксированы статистически значимые различия практически по всем шкалам, т. е. наблюдается противопоставление этнокультурного образца и образа реального армянина, что свидетельствует о неустойчивости нормативного компонента традиции.

Значимые различия данных оценки представителей титульного армянского этноса и диаспоры были обнаружены при сопоставлении выраженности

качеств, включенных в структуру Я-образа и представлений об идеальных и типичных армянах. В группе мужчин из Армении в структуре образа Я присутствуют следующие качества идеального и типичного мужчины: добросовестность, верность дружбе, доброта, ответственность, находчивость, настойчивость, упрямство, решительность, самостоятельность, сила, сдержанность, склонность к риску, уважение к старшим, тактичность, религиозность, а также наблюдается отсутствие качеств грубость, лень, наглость. Образ Я девушек из Армении составляют качества идеальной и типичной армянской женщины – гостеприимство, уважение к старшим, а также качества идеальной женщины-армянки – готовность помочь, взаимовыручка, верность дружбе, добросовестность, доброта, искренность, отзывчивость, дружелюбие, оптимизм, любовь к порядку, работоспособность, ответственность, ум, трудолюбие.

У армянских юношей-представителей диаспоры образ Я практически совпадает с представлением о типичном армянине, а у девушек, наоборот, во многом соответствует представлению об идеальной армянке.

3. Проведенное эмпирическое исследование подтвердило гипотезу о связи особенностей социокультурной ситуации и доминирующего типа самоинтерпретации: выраженность каждого типа самоинтерпретации армянских респондентов значимо различается в условиях диаспоры и в условиях титульного этноса [17]. В группе армян, постоянно проживающих в Армении, значимо выше уровни независимой, взаимозависимой и металичностной самоинтерпретаций, чем в группе армян, проживающих в России (таблица 1). Результаты исследования соответствуют данным ряда зарубежных исследователей, изучавших этнические группы в иноэтничной среде [19, 20].

Таблица 1.

Результаты сравнительного исследования уровней независимой, взаимозависимой и металичностной самоинтерпретаций

Исследуемые группы	Тип самоинтерпретации				
	Независимая самоинтерпретация				
	Кол-во респондентов	Среднее значение	Ст. отклонение	Значение критерия Стьюдента	Уровень значимости
Армяне в Армении	310	80,69	20,89	20,67	0,001
Армяне в России	307	53,40	10,23		

Взаимозависимая самоинтерпретация					
	Кол-во респондентов	Среднее значение	Ст. отклонение	Значение критерия Стьюдента	Уровень значимости
Армяне в Армении	310	77,4	22,01	8,67	0,001
Армяне в России	307	64,96	12,19		
Металичность самоинтерпретация					
	Кол-во респондентов	Среднее значение	Ст. отклонение	Значение критерия Стьюдента	Уровень значимости
Армяне в Армении	310	52,41	13,84	8,03	0,001
Армяне в России	307	42,45	7,29		

4. Сравнительное исследование ценностной структуры эмпирических групп выявило «ценностное ядро» этнической идентичности армян, которое составляют ценности: традиции, благожелательность, самостоятельность; ценностным основанием самопонимания этнокультурной идентичности армян является стремление к социальной гармонии, благополучию окружающих, стабильности (таблица 2).

Таблица 2.

Результаты исследования ценностной структуры

Мотивационный тип	Армяне в Армении	Армяне в России	Значение критерия Стьюдента	Уровень значимости
	Среднее значение	Среднее значение		
Безопасность	5,2	2,6	3,4	0,01
Власть	4,0	2,2	3,1	0,01
Гедонизм	4,0	2,3	2,3	0,05
Достижение	3,9	4,2	1,7	0,05
Конформность	4,3	3,5	2,1	0,05
Стимулирование	4,5	2,5	2,4	0,05
Универсализм	4,9	3,6	2,4	0,05
Благожелательность	4,6	4,2	0,6	–
Самостоятельность	4,8	4,8	0,2	–
Традиция	4,6	4	1,1	–

В исследуемых группах были выявлены значимые различия ценностных показателей – безопасность, власть, гедонизм, стимулирование, конформность и универсализм, значительно меньше выраженные в диаспоре, чем в титульном армянском этносе. Высокая значимость ценности «безопасность» у представителей армянского титульного этноса имеет как исторические корни, так и обусловлена сложной геополитической и экономической ситуацией Армении в настоящее время. По-видимому, в условиях диаспоры формируется ориентация на деятельность, предъявляющую требования рациональности, активности, инициативности, способности к конкуренции. Таким образом, формирование ценностей молодежи диаспоры происходит под влиянием не только ценностей титульного этноса, на территории которого они проживают, но и самой ситуации принадлежности к диаспоре.

Обсуждение результатов

Полученные данные позволяют выявить общие признаки личностно-смыслового аспекта самопонимания этнокультурной идентичности, как в рамках исследуемого этноса, так и в различных условиях бытия этнической группы – титульного этноса и диаспоры. Бытие личности в титульном этносе способствует формированию в личностно-смысловом аспекте самопонимания этнокультурной идентичности представления о совпадении этничности и гражданственности, при этом, однако, наблюдается тенденция противопоставления народа как историко-культурной общности и государства как системы. В условиях диаспоры респонденты четко разделяют гражданскую и этническую идентичности, причем этнокультурная идентичность осознается как составляющая гражданской идентичности, что ведет к осознанию ответственности за свои поступки одновременно перед этнокультурной группой и гражданской общностью. В личностно-смысловом аспекте самопонимания этнокультурной идентичности представителей диаспоры наиболее важное место занимают этнокультурные традиции и ценностные ориентиры, именно это осознается как способ сохранения этнокультурной самобытности и воспроизводства этничности [1].

Сопоставление результатов исследования выявило следующие общие черты этнокультурного идеала армян в титульном этносе и армянской диаспоре России:

- ядро этнической нормативности армян составляют экстравертивные и коллективистские черты, при этом в диаспоральной группе эти характеристики направлены, в первую очередь, на представителей своего этноса;
- важным элементом этнического идеала армян является патриотизм, при

этом у представителей диаспоры он рассматривается одновременно как этнический патриотизм и как государственный патриотизм, взаимно дополняя друг друга;

- значимой чертой этнокультурного идеала является уважение к старшим, лежащее в основе сохранения этнокультурной идентичности общности.

Результаты эмпирического исследования выявили, что у респондентов из Армении стереотипное представление об этнокультурном идеале демонстрирует высокую ценность субъектности (ответственность, решительность, самостоятельность, ум, сдержанность). При этом проявление субъектности направлено, главным образом, на значимого Другого (гостеприимство, верность дружбе), а также позитивное отношение к другим людям (общительность, отсутствие грубости, наглости и вороватости). Еще одним вектором проявления субъектности является трудовая деятельность: работоспособность, добросовестность, отсутствие стремления к «халяве» и лени. Также субъектные черты направлены на этнополитическую общность в целом (патриотизм). В этнокультурном идеале выявлена ориентация на трансцендентные сакральные ценности (религиозность), при этом данная направленность носит неформальный характер, т. к. формально-обрядовая сторона религии не входит в число предпочитаемых качеств. Можно сказать, что эти ценности имеют интрасубъективное экзистенциальное содержание и межличностное приложение, связанное с высоко оцениваемыми качествами доброты, дружелюбия и уважения к старшим. У представителей диаспоры в представлении об этническом идеале ярче выражены черты, связанные с ценностью значимого Другого: взаимовыручка, гостеприимство, верность дружбе, уважение к старшим, щедрость, отсутствие агрессивности и склонности к воровству.

В представлениях об этнокультурном идеале наиболее значимые различия в исследуемых группах касаются категорий «маскулинность – фемининность». В группе респондентов из Армении выявлено традиционное противопоставление мужественности и женственности. В диаспорной группе у девушек-армянок более эмансипированное, нежели у юношей, представление о нормативном поведении женщин и традиционное видение нормативного поведения мужчин.

При сравнении особенностей образа Я в контексте этнокультурных норм и ценностей в исследуемых группах было выявлено, что представление о себе у армян из Армении практически совпадает с представлением об этнокультурном идеале, что говорит о стремлении к воспроизводству нормативных этнокультурных образцов. У армян диаспоры образ Я в пространстве этнокультуры имеет существенные гендерные различия: юноши рассматривают себя в контексте нормальности, значительно отличающейся

от нормативности, а у девушек наблюдается стремление соответствовать этнокультурному идеалу. Следует отметить, что для мужчин – представителей диаспоры – характерен ценностный разрыв между нормативно-ценностным уровнем и уровнем нормальности, т. е. традиционные ценности армянского этноса приписываются титульному этносу, а в качестве нормальной в диаспоре рассматривается ситуация изменения традиционных норм и ценностей. У девушек в армянской диаспоре можно отметить тенденцию отождествлять нормативно-ценностный уровень традиции и уровень нормальности, что проявляется в стремлении к воспроизводству нормативных этнокультурных образцов.

Для армянских респондентов в условиях диаспоры ведущим способом самопонимания является взаимозависимая самоинтерпретация, понимание своей этнической идентичности осуществляется главным образом в контексте соответствия своего поведения групповым нормам и ценностям [22, 23, 24]. Соответственно, понимание своей этнокультурной идентичности армян в титульном этносе отличается большей полнотой, респонденты ориентированы на понимание своей этничности с разных позиций: в контексте соответствия нормам и ценностям этнокультурной группы, с позиции своей уникальности в рамках этничности, а также сочетания этнического и общечеловеческого. Феномен самоинтерпретации, таким образом, является не только отражением на индивидуальном уровне норм и ценностей этнокультуры, разделяемых индивидом, но и фактором социокультурной ситуации, в которой находится этническая группа.

Выводы

Содержательные характеристики самопонимания этнокультурной идентичности связаны с особенностями социокультурной ситуации (принадлежности к титульному этносу или диаспоре):

- в условиях титульного этноса особенность самопонимания этнокультурной идентичности заключается в том, что гражданское и этническое переплетены в чувстве принадлежности к своему народу, его истории и культуре;
- в условиях диаспоры множественность идентичностей обуславливает такую особенность самопонимания этнокультурной идентичности, как осознание ответственности перед общностями и осмысление этнической сплоченности как личностной ценности. Процесс самопонимания этнокультурной идентичности в условиях диаспоры представляет собой поиск бытийных ценностей в этнокультурном пространстве как исторической родины, так и страны проживания, попытку их синтеза в своем личностном смысле.

Литература

1. *Акопян В. З.* Георгий Матвеевич Дергульян и его размышления о национальной идентичности // *Общероссийская и национальная идентичность. Материалы международной научно-практической конференции, 19–20 апреля 2012. – Пятигорск, 2012. – С. 8–25.*
2. *Аполлонов И. А.* Проблема личностной идентичности в контексте этнокультурной традиции // *В мире научных открытий. – 2011. – № 11.2. – С. 704–714.*
3. *Аствацатурова М. А.* Диаспоры: этнокультурная идентичность (возможные теоретические модели) // *Диаспора. – 2003. – № 2. – С. 185–189.*
4. *Берберян А. С., Тучина О. Р.* Исследование личностно-смысловых аспектов самопонимания этнокультурной идентичности молодежью России и Армении // *Этнос и общество в контексте межнациональных отношений: материалы Междунар. науч. – практ. конф. Краснодар, 1 декабря 2015. – Майкоп: Изд-во Кубанского гос. ун-та, 2015. – С. 48–64.*
5. *Берберян А. С., Тучина О. Р.* Нормативно-ценностная составляющая самопонимания этнокультурной идентичности в условиях титульного этноса и сопряженной диаспоры // *Научные труды КубГТУ. – 2015. – № 6. – URL: <http://ntk.kubstu.ru/file/467>*
6. *Знаков В. В.* Психология субъекта и психология человеческого бытия // *Субъект, личность и психология человеческого бытия / Под ред. В. В. Знакова и З. И. Рябикиной. – М., 2005. – С. 9–44.*
7. *Калустьянц Ж. С.* Диаспорное сознание в современном обществе // *Вестник Ставропольского государственного университета. – 2007. – № 5. – С. 288–294.*
8. *Канукова З. В.* Диаспора: функциональный анализ термина в российском историографическом контексте // *Вестник Владикавказского научного центра. – 2011. – № 4. – С. 23–28.*
9. *Кимберг А. Н.* «Жизненный мир» субъекта как предмет исследования // *Психология человека в современном мире. Т. 4. Матер. Всеросс. научной конф., посвященной 120-летию С. Л. Рубинштейна, 15–16 октября 2009 г. – М.: Изд-во ИП РАН. – С. 26–33.*
10. *Левин З. И.* Менталитет диаспоры (системный и социокультурный анализ). – М., 2001. – 176 с.
11. *Лурье С. В.* Историческая этнология. – М.: Аспект Пресс, 1997. – 448 с.
12. *Рябкина З. И.* Личность как субъект формирования бытийных пространств // *Субъект, личность и психология человеческого бытия / Под ред. В. В. Знакова и З. И. Рябикиной. – М., 2005. – С. 45–57.*
13. *Стефаненко Т. Г.* Этнопсихология. – М.: Аспект Пресс, 2003. – 368 с.
14. *Тощенко Ж. Т., Чаптыкова Т. И.* Диаспора как объект социологического исследования // *Социс. – 1996. – № 12. – С. 33–42.*

15. *Тучина О. П.* Исследование ценностных оснований самопонимания этнокультурной идентичности в титульном этносе и сопряженной диаспоре // Научные труды КубГТУ. – 2015. – № 3. – URL: <http://ntk.kubstu.ru/file/404>
16. *Тучина О. П.* Концепция самопонимания личностью этнокультурной идентичности: субъектный подход // Политематический сетевой электронный научный журнал Кубанского государственного аграрного университета (Научный журнал КубГАУ). – 2015. – № 04 (108). – IDA [article ID]: 1081504066. – URL: <http://ej.kubagro.ru/2015/04/pdf/66.pdf>
17. *Berberyana A. S., Berberyana H. S.* Ethnopsychological aspects of the meaning-of-life and value orientations of Armenian and Russian students // *Psychology in Russia: State of the Art.* – 2016. – 9 (1). – pp. 121–137.
18. *DeCicco T. L., Stroink M. L.* A third model of self-construal: The metapersonal self // *International Journal of Transpersonal Studies.* – 2007. – no. 26. – pp. 82–104.
19. *Gudykunst W. B., Matsumoto Y., Ting-Toomey S., Nishida T., Kim K., Heyman S.* The Influence of Cultural Individualism-Collectivism, Self Construals, and Individual Values on Communication Styles across Cultures // *Human Communication Research.* – 1996. – V. 22. – no. 4. – pp. 510–543.
20. *Kanagawa C., Cross S. E., Markus H. R.* «Who am I?» The cultural psychology of the conceptual self // *Personality and Social Psychology Bulletin.* – 2001. – no. 27. – pp. 90–103.
21. *Mara C. A., DeCicco T. L., Stroink M. L.* An Investigation of the Relationships among Self-Construal, Emotional Intelligence, and Well-Being // *The International Journal of Transpersonal Studies.* – 2010. – no. 29 (1). – pp. 1–11.
22. *Markus H., Cross S. E.* The interpersonal self. *Handbook of personality: Theory and research.* – N. Y.: Guilford, 1990. – 235 p.
23. *Markus H. R., Kitayama S.* A collective fear of the collective: Implications for selves and theories of selves // *Personality and Social Psychology Bulletin.* – 1994. – no. 20.
24. *Markus H. R., Kitayama S.* Culture and the self: Implications for cognition, emotion, and motivation // *Psychological Review.* – 1991. – no. 98. – pp. 224–253.
25. *Safran W.* Diasporas in Modern Societies: Myths of Homeland and Return // *Diaspora.* – 1991. – V. 1. – no. 1.
26. *Sheffer G. A.* New Field of Study: Modern Diasporas in International Politics // *Modern Diasporas in International Politics.* – L., 1986.
27. *Singelis T. M.* The measurement of independent and interdependent self-construals // *Personality and Social Psychological Bulletin.* – 1994. – no. 20. – pp. 580–591.

References

1. Akopian V. Z. Georgii Matveevich Dergul'ian i ego razmyshleniia o natsional'noi identichnosti [Georgii Matveevich Dergul'ian and his reflections on national identity]. *Materialy mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii "Obshcherossiiskaia i natsional'naia identichnost'"* [Proc. the International Scientific-Practical Conference "All-Russian and national identity"]. Pyatigorsk, 19–20 April, 2012, pp. 8–25.
2. Apollonov I. A. Problema lichnostnoi identichnosti v kontekste etnokul'turnoi traditsii [The problem of personal identity in the context of ethno-cultural traditions]. *V mire nauchnykh otkrytii – In the World of Scientific Discoveries*, 2011, no. 11.2, pp. 704–714.
3. Astvatsaturova M. A. *Diaspory: etnokul'turnaia identichnost' (vozmozhnye teoreticheskie modeli)* [Diasporas: ethno-cultural identity (possible theoretical models)]. *Diaspora – Diaspora*, 2003, no. 2, pp. 185–189.
4. Berberian A. S., Tuchina O. R. Issledovanie lichnostno-smyslovykh aspektov samoponimaniia etnokul'turnoi identichnosti molodezh'iu Rossii i Armenii [The study of sense-personal aspects of self-understanding of ethno-cultural identity in young people of Russia and Armenia]. *Materialy mezhdunar. nauch.-prakt. konf. "Etnos i obshchestvo v kontekste mezhnatsional'nykh otnoshenii"* [Proc. the International Scientific and Practical Conference "The ethnos and society in the context of international relations"]. Maikop, Kuban State University Publ., 1 December, 2015, pp. 48–64.
5. Berberian A. S., Tuchina O. R. Normativno-tsennostnaia sostavliaiushchaia samoponimaniia etnokul'turnoi identichnosti v usloviakh titul'nogo etnosa i sopriazhennoi diaspory [A normative and value component of self-understanding of ethno-cultural identity in the conditions of the titular ethnos and the associated diaspora]. *Nauchnye trudy KubGTU – Scientific Studies of Kuban State University*, 2015, no. 6.
6. Znakov V. V. *Psikhologiiia sub"ekta i psikhologiiia chelovecheskogo bytiia // Sub"ekt, lichnost' i psikhologiiia chelovecheskogo bytiia* [The psychology of the subject and the psychology of human existence: the subject, personality and psychology of human existence]. Moscow, 2005, pp. 9–44.
7. Kalust'iants Zh. S. Diaspornoe soznanie v sovremennom obshchestve [Diaspora consciousness in modern society]. *Vestnik Stavropol'skogo gosudarstvennogo universiteta – Bulletin of Stavropol State University*, 2007, no. 5, pp. 288–294.
8. Kanukova Z. V. Diaspora: funktsional'nyi analiz termina v rossiiskom istoriograficheskom kontekste [A diaspora: a functional analysis of the term in the context of Russian historiography]. *Vestnik Vladikavkazskogo nauchnogo tsentra – Bulletin of Vladikavkaz Scientific Center*, 2011, no. 4, pp. 23–28.

9. Kimberg A. N. «Zhiznennyi mir» sub"ekta kak predmet issledovaniia // Psikhologiiia cheloveka v sovremennom mire. T. 4. [The subject's "life-world" as a subject of research: The human psychology in the modern world. Vol. 4]. *Mater. Vseross. nauchnoi konf., posviashchennoi 120-letiiu S. L. Rubinshteina, 15–16 oktiabria* [Proc. the All-Russian Scientific Conference dedicated to the 120th anniversary of S. L. Rubinstein]. Moscow, Institute of Psychology of Russian Academy of Sciences Publ., 15–16 October, 2009, pp. 26–33.
10. Levin Z. I. *Mentalitet diaspori (sistemnyi i sotsiokul'turnyi analiz)* [The diaspora mentality (a system and social-cultural analysis)]. Moscow, 2001. 176 p.
11. Lur'e S. V. *Istoricheskaia etnologiiia* [Historical ethnology]. Moscow, Aspekt Press Publ., 1997. 448 p.
12. Riabikina Z. I. *Lichnost' kak sub"ekt formirovaniia bytiinykh prostranstv: Sub"ekt, lichnost' i psikhologiiia chelovecheskogo bytiia* [Personality as a subject of the formation of spaces of being: The subject, personality and psychology of human existence]. Moscow, 2005, pp. 45–57.
13. Stefanenko T. G. *Etnopsikhologiiia* [Ethnopsychology]. Moscow, Aspekt Press, Publ., 2003. 368 p.
14. Toshchenko Zh. T., Chapykova T. I. *Diaspora kak ob"ekt sotsiologicheskogo issledovaniia* [A diaspora as an object of sociological research]. *Sotsis – Sotsis*, 1996, no. 12, pp. 33–42.
15. Tuchina O. R. *Issledovanie tsennostnykh osnovanii samoponimaniia etnokul'turnoi identichnosti v titul'nom etnose i sopriazhennoi diaspore* [The study of value foundations of self-understanding of ethno-cultural identity of the titular ethnos and the associated diaspora]. *Nauchnye trudy KubGTU – Scientific Studies of Kuban State University*, 2015, no. 3.
16. Tuchina O. R. *Kontseptsiiia samoponimaniia lichnost'iu etnokul'turnoi identichnosti: sub"ektnyi podkhod: Politematicheskii setevoi elektronnyi nauchnyi zhurnal Kubanskogo gosudarstvennogo agrarnogo universiteta* [The concept of the person's understanding of ethno-cultural identity: the subjective approach]. *Politematicheskii setevoi elektronnyi nauchnyi zhurnal Kubanskogo gosudarstvennogo agrarnogo universiteta (Nauchnyi zhurnal KubGAU) – Multidisciplinary Network Electronic Scientific Journal of Kuban State Agrarian University (Scientific Journal of Kuban State Agrarian University)*, 2015, no. 04 (108). doi:1081504066
17. Berberyan A. S., Berberyan H. S. *Ethnopsychological aspects of the meaning-of-life and value orientations of Armenian and Russian students. Psychology in Russia: State of the Art*, 2016, 9 (1), pp. 121–137.
18. DeCicco T. L., Stroink M. L. *A third model of self-construal: The metapersonal self. International Journal of Transpersonal Studies*, 2007, no. 26, pp. 82–104.

19. Gudykunst W. B., Matsumoto Y., Ting-Toomey S., Nishida T., Kim K., Heyman S. The Influence of Cultural Individualism-Collectivism, Self Construals, and Individual Values on Communication Styles across Cultures. *Human Communication Research*, 1996, V. 22, no. 4, pp. 510–543.
20. Kanagawa C., Cross S. E., Markus H. R. "Who am I?" The cultural psychology of the conceptual self. *Personality and Social Psychology Bulletin*, 2001, no. 27, pp. 90–103.
21. Mara C. A., DeCicco T. L., Stroink M. L. An Investigation of the Relationships among Self-Construal, Emotional Intelligence, and Well-Being. *The International Journal of Transpersonal Studies*, 2010, no. 29 (1), pp. 1–11.
22. Markus H., Cross S. E. The interpersonal self. *Handbook of personality: Theory and research*. N. Y.: Guilford, 1990. 235 p.
23. Markus H. R., Kitayama S. A collective fear of the collective: Implications for selves and theories of selves. *Personality and Social Psychology Bulletin*, 1994, no. 20.
24. Markus H. R., Kitayama S. Culture and the self: Implications for cognition, emotion, and motivation. *Psychological Review*, 1991, no. 98, pp. 224–253.
25. Safran W. Diasporas in Modern Societies: Myths of Homeland and Return. *Diaspora*, 1991, V. 1, no. 1.
26. Sheffer G. A. *New Field of Study: Modern Diasporas in International Politics*. Modern Diasporas in International Politics. L., 1986.
27. Singelis T. M. The measurement of independent and interdependent self-construals. *Personality and Social Psychological Bulletin*, 1994, no. 20, pp. 580–591.